

Телешов Николай Дмитриевич

Петух

Николай Дмитриевич Телешов

ПЕТУХ

Захар Фомич лежал на постели в теплом халате и туфлях и, закинув за голову руки, глядел в потолок.

- Матреша! - сказал он старческим разбитым голосом. - Что-то на дворе Дружок лаает: верно, стучится кто в калитку. Я давно слушаю. Лаает.

- Сдурился и лаает, - просто ответила Матрена, появляясь в дверях. Кого теперь нелегкая принесет!

- Пошла бы взглянула: у нас ведь колокольчик оборван.

- Добрый человек в такую пору не пойдет.

Однако она накрылась платком и вышла. Захар Фомич тоже поднялся. Надел сапоги, поглядел на себя в зеркало, увидел в нем круглое бритое лицо с морщинами и складками, с седыми волосами, зачесанными по-старинному на висках к бровям, и только успел подумать: "Лет десяток авось еще протяну", как в прихожей заскрипела дверь и басистый голос ласково спросил:

- Могу ли на минуточку побеспокоить?

Гостям всегда бывал рад Захар Фомич, а потому приветливо ответил, идя навстречу:

- Милости просим. Добро пожаловать.

В комнату вошел очень высокого роста, сухопарый и сутулившийся человек, с огромными веселыми глазами и седыми усами, висевшими книзу, как у Шевченко. Скинув только калоши и не снимая пальто, он густым басом заявил:

- А я собственно за вами, Захар Фомич.

- Входите, садитесь, чайку сейчас попьем, - приветствовал его хозяин.

- Про охоту вашу хочу спросить: голуби ваши как поживают? Турманы ваши как кувыркаются? Козырные как погуливают?

- Все по-хорошему, благодарю вас. Молодежь вывелась - отличные голубочки, сердце радуется!

- Курочки как поживают?.. Помнится, петух у вас был великолепный... Знатный петух!

- И петух живет, - с удовольствием улыбнулся Захар Фомич. - Неужели петуха моего помните?.. Да войдите же, пожалуйста. Садитесь.

- Таких петухов как не запомнить, - пробасил Травников, садясь и распахивая на груди пальто. - На бои-то ходите?

- На какие бои?

- На петушьи бои. Неподалеку от вас, почти по соседству. А я как раз туда пробираюсь. Любопытно. Дай, думаю, зайду к Захару Фомичу по дороге, может быть вместе отправимся. Дело любительское. Неужели никогда не бывали? А я постоянно хожу. Денег наиграл там цельную кучу.

- Что ж там? - полюбопытствовал Захар Фомич и хоть слышал, что в этих боях происходит какая-то травля, какое-то зверство, но не очень доверял слухам и рассуждал - что дерутся же петухи на дворе, что ж особенного, если на них играть вздумали?

- Как вам сказать, - задумался Травников. - Так не расскажешь. Ставят на пари: чей возьмет верх, тому и выигрыш, - вот и все. А любопытно. Пройдемтесь-ка, Захар Фомич: поглядели бы, обо всех любителях услыхали бы, у кого петухи знаменитые... Я себе там зашиб денежку.

- Ну, какую там денежку.

- Честное слово! В прошлую зиму каждый раз выигрывал. Пойдемте, Захар Фомич, одевайтесь-ка! - неожиданно предложил Травников, взглядывая на часы. - Как раз к началу попадем.

Захар Фомич нахмурился.

- Это рядом почти. На полчасака. Посидим, чайку попьем...

- Нет, - ответил старик. - Там, говорят, сидеть тошно.

А я ведь, знаете, всякое создание люблю, птицу люблю.

Как я там буду? Как буду глядеть?

- Вот какой вздор! Кто сказал - сидеть тошно? Ничего не тошно, а даже весело и все равно как в цирке: такой же круг на полу, а вокруг него барьер, а за барьером скамейки - колесом в два яруса. Интересная, заманчивая штука. Всегда спасибо говорить будете.

- На полчасака, говорите?

- Самое большее. Одевайтесь-ка, не теряйте золотого времени.

Вздыхая и сомневаясь, Захар Фомич все-таки оделся, сказав Матрене, что скоро вернется, положил в карман кошелек - на всякий случай, и вышел с Травниковым на улицу. Идти было действительно недалеко, и вскоре они остановились у дверей трактира.

- Пожалуйста, Захар Фомич!

Они прошли грязной и дымной комнатой, наполненной людьми, потом свернули налево, где было просторнее и светлее, и сели за столик.

- Здесь почище, - сказал Травников, - эта зала для уважаемых.

В "уважаемой" - так называлась эта комната - сидела уже большая компания за общим столом. Дико здесь казалось Захару Фомичу, но он скоро освоился и начал вглядываться в людей и прислушиваться к беседе. Травников объяснял ему:

- Длинноволосый - это фельдшер. Пустой человек, больше пьет на чужие... А рядом - бритый

- это кондитер, огромные дела делает. Петух у него был, вот, я вам скажу, - петух! Непобедимый! Наполеоном звали... сколько призов взял. Теперь околел.

Вокруг беседа между тем позатихла. Но почти сейчас же явился откуда-то трактирщик, низкорослый, юркий и не столько толстый, сколько крепкий, налитый здоровьем человек, с бегающими глазами, с глянцевиной лысинкой и небольшой, выстриженной вроде пряника, бородкой. Войдя, он остановился почти на пороге. Улыбаясь, подпирая руками бока и растопырив ноги, он развязно обратился к окружающим, уверенный в силе своего слова:

- Что ж, господа хорошие, разговариваете мало и тихо? Скучно так сидеть. Беседа веселит соседа!

Улыбка его стала еще шире и благосклонней, красноватые пухлые щеки упруго надулись, как резиновое литье, и из-за тонких губ показались белые частые зубы. Поиграв серебряной цепочкой, окружавшей его воловью шею, спускавшейся по всей груди до половины живота, он оправил конец розовой рубахи, которая виднелась под широким пиджаком, закрытая до горла высоким жилетом, и подсел к столу.

- Петушок ваш как здравствует? - обратился он к фельдшеру.

- Ничего, поправляется. Уж очень его потрепали жестоко; насилие залечил, - ответил фельдшер, - хорошо, что сам в лекарствах толк понимаю, а то бы не жить! - и сейчас же заспорил с кем-то о своем петухе.

Разговор оживился, и довольный трактирщик, громко засмеявшись на какую-то глупость, быстро исчез.

- Однако уж десять часов, - проговорил тощий рыжеволосый человек, похожий на лисицу, доставая часы.

- Ваши неверны, - возразил фельдшер. - У меня без четверти. Мои по университетским, самые правильные.

- Почтамтские вернее, - заметил кондитер.

- Ну, нет-с, извините! - авторитетно заявил фельдшер, с важностью ученого запрокидывая голову и выставив словно напоказ свой маленький круглый и розовый носик. - Почтамтские совсем иное дело. В университете ученый народ заведует этим, - понимаете? Астрономы заводят часы: астрономы! А в почтамте кто?.. Просто чиновник.

- Да и тот небось пьяный! - острит кто-то и одиноко хохочет над своей остротой.

- Почему это непременно - пьяный? - задорно вопрошает его рыжий человек.

- Это я так-с... для смеху единственно.

- То-то, для смеху! Надо понимать, о чем говоришь.

Трактирщик заглянул снова, но, довольный шумом, исчез незаметно.

- Что ж, господа, - заговорил кондитер после небольшого молчания. Начинать - так начинать, а не то по домам пора.

Он взглянул на Травникова и моргнул ему глазом.

- С кем на четвертную?

Травников встал и подошел к компании.

- На четвертную не стоит, - сказал он, - слишком мало.

Все обернулись.

- На сколько же?

- По крайней мере на полсотни. Мой петух дороже стоит.

- Надо петуха видеть, - сказал кондитер.

- Я привезу сейчас.

- Везите. Мой уж здесь. Везите. Посмотрим. Может быть, соглашусь.

Травников шепнул Захару Фомичу, что вернется минут через двадцать, надел шапку и вышел.

- Не господина ли Плуговнца имею честь видеть? - обратился к Захару Фомичу один из компании, одетый в кожаную куртку. - Я сосед ваш, Зазубрин; домов через пять от вас, в переулке, живу. Подсаживайтесь, Захар Фомич, веселее вместе. Ваших голубков знаю. Великолепные голуби! Турман у вас вот кувыркается лихо. Давно знаю, что вы любитель. Рад познакомиться. Сам люблю всякую охоту. Слышал тоже, петух у вас есть знаменитый.

- Простой петух, - скромно ответил Захар Фомич, чувствуя неловкость в незнакомом обществе.

- Как простой? Помилуйте. Все говорят, диковинный петух. Редкость! золото! Теперь, говорят, таких петухов и не встретишь.

Захару Фомичу приятно было услышать лестную похвалу. Он встал и подошел к Зазубрину пожать ему руку.

Отвечая любезностью на любезность, тот усадил его за общий стол.

- Водочки не угодно ли? - предложил Зазубрин, наливая рюмку.

- Нет, благодарствуйте.

- Выпейте для первого знакомства. Вы ведь кушаете?

Ну, так чокнемся за ваше здоровье.

Захар Фомич выпил.

- А не позволите ли нам взглянуть на вашего петушка? - спросил фельдшер, запрокидывая голову. - Здесь все любители да ценители. Приятно посмотреть хорошую птицу.

- Одолжили бы, Захар Фомич, очень одолжили бы, - вторил фельдшеру Зазубрин. - Говорили нам много, интересно самим взглянуть.

- Простой петух, господа, - снова заскромничал Захар Фомич, а самому было приятно, что все про его петуха знают. - Прошу ко мне, коль интересно; там мы и голубей посмотрим, - сказал он, обращаясь к одному Зазубрину, как к названному соседу.

- Благодарю вас, - поклонился Зазубрин. - Приду с радостью. Да вот и им всем посмотреть хотелось бы. Нельзя ли его сюда принести?

Захар Фомич в нерешительности замолчал.

- Хозяин! - крикнул сейчас же фельдшер. - Павел Спиридоныч! Пожалуйста на минутку.

Вошел трактирщик. Растопылив ноги и весело подбоченясь, он ожидал чьих-то распоряжений.

- Здесь Филимон? Вот господин желает за петухом послать, - предложил фельдшер.

- Это можно-с! - ответил хозяин, потирая руки. - Это сейчас... Филимон!

- Нет, нет, нет! - засуетился Захар Фомич. - Нет, этого нельзя. Я уж лучше сам его сюда принесу...

- Все одно: можно послать, - проговорил трактирщик, - только записочку к домашним.

- Нет, я сам принесу, сам принесу!

Захару Фомичу подали пальто и просили не обманывать, чтоб им не напрасно дожидаться. Когда он вышел на улицу, ему вспомнился Травников. Где он? куда девался?

С ним было как-то удобнее, все-таки свой человек.

- Что это по ночам-то стали гулять? - сердито встретила Матрена Захара Фомича. - Спать пора!

- Это... Матреша... гм! Дай-ка мне фонарь... Зажги, я пойду тут... петуха погляжу.

- Какого еще петуха? Зачем понадобился? Идите, что ли, в горницу, а то надует, после кашлять будете. Идите, идите спать. Нечего!

В трактире между тем стоял шум. В первой комнате повздорили двое гостей и кричали один на другого; где-то весело спорили и смеялись; где-то нетерпеливо стучали стаканом...

Озираясь вокруг, Захар Фомич торопливо прошел этой комнатой, неся петуха под полою.

В "уважаемой" уже никого прежних не было; только толстый краснощекий гость сидел одиноко за бутылкой пива и курил сигару.

- Туда пожалуйста, - многозначительно кивнул трактирщик, явившийся к Захару Фомичу. - Пожалуйста, провожу.

Они прошли через кухню и вышли на двор.

- Пожалуйста-с! - предложил трактирщик, отворив дверь небольшого дощатого балагана, освещенного яркой висючей лампой.

- А, принесли! Вот спасибо, Захар Фомич, - слышался голос Зазубрина. - Позвольте-ка полюбопытствовать.

Петух стал переходить из рук в руки. Нюхали его гребень, пробовали его зоб и ноги, делали различные замечания.

- Великолепный петух! - решил Зазубрин.

- Зоб-то хлебный, - не сухой зоб! - слышались голоса. - Хороший петух. Хороший, рослый! А клюв-то какой:

орел настоящий!

- Садитесь, господа хорошие, что же так-то стоять! - предложил трактирщик. - В ногах правды нет: стоять - зря силу терять, а посидеть отдохновение иметь!

Захара Фомича усадили на деревянную скамью, и все разместились, продолжая говорить и расхваливать петуха.

Они сидели вокруг трехаршинной круглой арены, огороженной невысоким барьером.

"И правда, точно в цирке", - весело вспомнилось Захару Фомичу.

Вокруг арены высились в два ряда деревянные скамейки, на которых и сидели гости. Травникова еще не было.

Захар Фомич пустил на арену своего петуха под общие похвалы и восторг.

- Этому петуху нет соперника! - воскликнул фельдшер. - Что рост, что клюв - удивительное дело!

- А каковы у него шпоры!

- И красивый какой! - добавил хозяин. - Перо хорошее, и ноги здоровые. Петушок, можно сказать, аглицкий.

Заморского фасона важная персона!

Захар Фомич умилялся все более: как же так - до сих пор он никого не знал, а о нем, оказывается, все слышали и даже знают, что у него петух замечательный.

Петух одиноко и важно расхаживал по арене, повертывая вправо и влево голову, точно тянулся спросонья, и, очевидно, недоумевал, куда занесла его судьба. Он глядел и не думал, конечно, что значат эти кровавые брызги, запекшиеся на холсте барьера, что значат черные пятна на сером войлоке, по которому он так величественно ступал.

- А мой вот какой будет! - сказал кондитер, появляясь с черным петухом в руках.

- О, славный какой! - восторгался фельдшер, исподтишка толкая Захара Фомича. - Славный, славный! - А когда заговорили другие, он шепнул ему: Дрянь петух против вашего!

Зазубрин тоже хвалил черного и тоже сказал на ухо Захару Фомичу:

- В суп его пора, а не в бой.

- Мой петух ничего себе, да вот беда: не пробован!

Кто его знает, вдруг побежит? - неуверенно сказал кондитер.

- За хохол тогда! - пошутил кто-то. - Не бегай! Не вводи в убыток хозяина.

- Только попробовать хочется. Я бы уж, так и быть, поставил бы десятку. Только не с вашим, Захар Фомич. Мой вашему не ровня.

- Я ведь показать только принес, - ответил Захар Фомич. - Я драться не пуцу.

- С вашим и я не стану. Разве возможно!

- Бейтесь, Захар Фомич, бейтесь! - зашептал опять фельдшер. - Бейтесь на всю четвертную. Что вам? Двадцать пять рублей положите в карман, вот и все. Только и дела!

Зазубрин с другой стороны толкал Захара Фомича, советуя спорить.

- Ваш забьет! Честное слово! По всему видно. Я за вашего держу! сказал он громко, на весь сарай, и в голосе его был вызов. - Вот пять целковых за "Солового"

петуха! Кто против меня за "Черного"?

- Я за "Черного"! - отозвался рыжий человек, и в его тоне также был задор. - Деньги за-руки, - отдавайте хозяину.

- При чем тут наличные? - возразил фельдшер. - Я думаю, можно и после рассчитаться.

- Никак нет-с! - деловито заметил на это трактирщик. - Кредит отношениям вредит. Деньги за-руки!

- Верно, Павел Спиридоныч! Забирай деньги! - нетерпеливо крикнул Зазубрин, махая в воздухе пятеркой. - За "Солового" по пяти рублей, - аи да тотализатор. Я за "Солового" держу!

Трактирщик весело и проворно собрал деньги и спросил, воровато поглядывая бегающими глазами и загибая рукой ухо, чтоб лучше слышать:

- А по сколько за петухов-то?

- По двадцать пять! - объявил фельдшер.

- По четвертной! - подтвердил Зазубрин.

- Дело хорошее-с! Четвертушка - не игрушка!

Захар Фомич удивленно огляделся и взял петуха на руки.

Боясь, что противник уйдет, кондитер притворно вздохнул и проговорил, махнувши рукою:

- Ну, будь что будет! Двадцать пять так двадцать пять! Черт возьми, пропадай мои денежки!.. Получи, Павел Спиридонович, - обратился он к хозяину, отсчитывая деньги. - Эх, петух-то неопытен... Ну, да ладно, где наша не пропадала!..

- Дозвольте получить-с? - протянул хозяин руку к Захару Фомичу. - По четвертной, стало быть, выходит?

Захар Фомич не отвечал. Он глядел во все глаза на трактирщика, будто не понимая, чего от него хотят.

Зазубрин опять толкнул его ногою и шепнул:

- Ставьте же, ставьте! Чего боитесь?

Фельдшер тоже нашептывал:

- Таких петухов во всей Москве не найдешь. Тот курица против вашего!

Захар Фомич не знал, что ему делать. Он уже колебался. С одной стороны - было жаль петуха, с другой стороны - интересно. Давно уже не испытывал он такого волнения, какое охватило его теперь. Он поднял глаза на Зазубрина, ища в нем поддержки. Тот уверенно тряхнул в ответ головою, как бы говоря: ставьте, ставьте!

- А это чем же должно кончиться? - спросил Захар Фомич, начиная чувствовать в себе дрожь.

- Который побежит, тот и проиграл.

- А не то, чтобы до смерти биться?

- Зачем до смерти! Бывают такие, что и до смерти не побегут, только это редко случается. Да "Черный" через десять минут лыжи наострит - по всему видно!

- Ну, коли не до смерти... - Захар Фомич опять задумался. - Ну, получите деньги! - проговорил он, пересиливая себя и чувствуя, как трясутся руки, усиливается волнение и занимается дух от ожидания.

Кондитер перегнулся через барьер и поставил черного петуха на арену, придерживая его пока за спину.

Захар Фомич тоже перегнулся и тоже держал за спину своего "Солового", в ожидании сигнала. Петухи уже глядели друг на друга враждебно и тихо ворчали.

- Ну, пускайте! - скомандовал фельдшер.

Петухи остались одни.

Участники и зрители насторожились, все замолчали и стали напряженно следить - что будет. Сделалось совершенно тихо, как в пустой комнате.

"Черный", с подстриженным хвостом, весь напряженный и стройный, нагнул голову, точно готовясь к налету, и, слегка оттопырив крылья и не спуская глаз с противника, стоял в выжидательной позе.

"Соловой", тоже нагнув голову, сердито глядел на него и вдруг, неожиданно прыгнув, ударил крылом по голове и сильно толкнул ногами по зубу.

"Черный" взлетел в свою очередь и так же ударил противника.

Борьба медленно разгоралась.

Петухи то кружились на месте, долбя друг друга в головы, то стояли неподвижно, опустив клювы почти до земли, то взлетали одновременно и тяжело сшибались в воздухе. Пух летел от них, садясь на картузы и одежду.

- Так! так, "Соловой"! - весело подговаривал Зазубрин. - В голову его! Ну... э... э... так! так!

Фельдшер, облокотясь на барьер, следил за "Черным"

и тихо бормотал:

- Верный петух; верный!

Петухи продолжали сшибаться.

"Соловой" кружился уже не так уверенно, не с прежней легкостью и не всегда удачно отражал удары, подставляя часто голову, на которой уже сочилась кровь. "Черный"

был много бодрее, чаще и чаще взлетал, поражая соперника.

- Ишь ты, боец какой! - воскликнул трактирщик. - Даром что хударьба!

"Черный" опять взлетел и ударил с такою силой, что "Соловой" не удержался на ногах. Это вызвало общий восторг. Но "Соловой" быстро поднялся, вывернулся из-под удара и в свою

очередь надел на врага и яростно долбанул его несколько раз в голову так, что Зазубрин крикнул в восторге:

- Аи да петух!

Захар Фомич сидел неподвижно, дрожа внутренно и еле переводя дыхание.

- Молодец, "Соловой"! - поощрял Зазубрин. - Слева его бери! Слева... слева!

- Не учи: учить уговора не было! - засмеялся кто-то.

Зазубрин, встретясь глазами с фельдшером, улыбнулся

ся углом губ в ответ на его подмигивание, обращенное в сторону Захара Фомича.

- О! Ловко! - воскликнули сразу два голоса, а затем заговорили и зашептали все:

- На шпору надел!

- Смял!

- Пропал "Соловой"!..

Но "Соловой" еще не пропал. Оба борца были измучены и, разинув клювы, кружились друг за другом, шумно и хрипло дыша. Кружась, они отдыхали, но в то же время следили один за другим и за самим собою, готовясь или напасть внезапно, или отразить удар, - пока же бессмысленно и беспорядочно долбили друг друга в головы. На войлоке краснели свежие кровяные следы, валялись обломанные перья, которые шевелились при всяком повороте бойцов.

- А у какого-то клюв гремит, - заметил трактирщик, загибая рукою ухо.

- Да, да. Кто-то разбил себе клюв.

- "Соловой" разбил! Это у него гремит, - слушайте, - подтвердил фельдшер, указывая пальцем на петуха, который изнемогал и еле защищался.

Зазубрин, взглянув исподтишка на Захара Фомича, наклонился к нему, чтобы что-то сказать, но не сказал ни слова, а только усмехнулся и покрутил головой.

- Долго что-то они, - заметил, наконец, фельдшер. - Все равно, теперь ясно: "Соловому" конец.

Захар Фомич поднял голову и долгим тяжелым взглядом посмотрел на фельдшера, потом на Зазубрина, как бы говоря: что ж вы уверяли-то?

- Ошибся, Захар Фомич! - ответил Зазубрин, виновато вздыхая. - Будь сухой зоб - совсем дело иное. А у него хлебный... кто ж виноват?

Захар Фомич еще раз поглядел на всех - все лица были недоброжелательны - и как-то сразу опустил голову, точно она сама обессилела и повисла на грудь.

- Петенька! - жалобно и нежно прошептал он.

Вокруг сдержанно засмеялись.

"Соловой" напрягал последние силы. Ноги и голова его были в крови. Кровавыми пятнами пестрел войлок.

"Черный" между тем взлетал и прыгал и наносил "Соловому" новые раны.

- Верный, верный петух! - одобрял его фельдшер.

- Конец "Соловому"! Кончено! - заговорили все, глядя на бой.

- С выигрышем, Гаврила Михайлович! - поздравил кто-то кондитера.

Кондитер хотел было улыбнуться, но, завидя, как "Соловой" стал круто заходить, очевидно с каким-то серьезным и обдуманым намерением, вдруг закричал на поздравителя:

- Молчать раньше времени!

Намерение "Солового" заметили все - и все забеспокоились.

Позволяя долбить себе голову и не защищаясь, он все круче и круче заходил, меняя направление и обманывая зоркость врага.

- К глазу... к глазу пошел! - зашептали вокруг, одни с тревогой, другие с одобрением. - К глазу идет!..

Захар Фомич задыхался; сердце в нем усиленно колотилось, немел язык, дрожали губы и щеки, моргали глаза.

Кондитер стоял, ухватив себя обеими руками за виски, с остановившимися выпученными глазами, трактирщик попрежнему благодушно улыбался, подпирая руками бока и растопырив ноги.

- К глазу... к глазу, - шептали Зазубрин и фельдшер вместе, среди общего затишья и напряжения.

- Эх! - взвизгнул кондитер, махнув по воздуху кулаком. - Черт проклятый!

- Глаз вышиб! глаз! - зашумело все собрание.

После напряженного ожидания все вздохнули свободней, точно свалилась гора с плеч. Никто не поморщился.

Только Захар Фомич закрылся на секунду руками и прошептал что-то.

Петухи вновь запрыгали один на другого.

"Соловой" часто падал и, видимо, изнемогал совершенно.

Кондитер и все ободрились.

- Схитрил! - проговорил Зазубрин, с усмешкой взглядывая на Захара Фомича. - А все-таки не взять! Силенки не хватит.

- Ну-ка, "Черный",хвати еще разик! Так! Ну, еще...

так! Ха-ха-ха! - залился фельдшер самодовольным смехом. - Не вывернешься!

"Соловой", однако, вывернулся из-под "Черного"

и перескочил на сторону слепого глаза.

Снова они закружились в клубке.

Кондитер стоял с побледневшими губами: он сознавал опасное положение своего петуха.

- Хитрый черт! Хитрый дьявол! - шипел он, следя за каждым движением "Солового".

- Теперь ему слева не страшно, - заметил трактирщик. - Ишь как с левой руки заворачивает!

- Опять... опять... опять путает, - шептал чей-то трепетный голос. Обманывает... заводит...

Все поднялись на ноги в ожидании близкой развязки.

Кондитер кусал губы, ерошил волосы и ничего не видел, кроме петушьих спин, ног и красных гребней.

- Обошел... обошел! - раздался тихий дрожащий голос.

- К другому лезет... К другому глазу...

Высшее напряжение овладело всеми.

- Тьфу! - отчаянно плюнул вдруг кондитер и, весь красный, визгливо ругаясь, выбежал из сарая: "Соловой"

выключил "Черному" второй глаз.

"Черный" зашатался от боли и тьмы и неуверенно побежал по кругу, касаясь боком барьера.

"Соловой", напрягая остаток сил, весь израненный, победоносно помчался за ним вслед, гогоча и хлопая крыльями.

В "уважаемой" все обступили Захара Фомича. Тот, рассеянно глядя, держал на руках "Солового", бережно завернутого в носовой фуляровый платок. Трактирщик, улыбаясь и поздравляя, подал ему пачку мелких кредитных денег.

- Пожалуйте-с: пятьдесят рублей! Десять процентов за помещение удерживаю, - мягко говорил он, щеголяя иностранным словом и выговаривая с ударением на первом слоге. - Великолепнейший петушок-с! С выигрышем, может, sprysnut' желаете? Егорка! Приготовь стол!.. Водочки, закуськи, Захар Фомич, желаете? Винца холодненького: белого, красного... мадерки, портвейнцу? Может, шампанчику, на радостях?..

Захар Фомич сунул деньги в карман и молча повернулся, чтобы уйти.

- А с выигрышем-то? - остановил его фельдшер, точно требовал долг. Куда ж вы, батенька? С выигрышем!

Обычай - что закон.

За спиной где-то визгливо ругался кондитер и слышался чей-то оправдательный лепет.

- Прочихали четвертную, дьяволы, а? Говорили, дрянной петух; где ж он дрянной?.. Где подлец Травников? Заманили старика, черти, облапошили? Только доброго петуха изгадили - у, сволочи!

Захар Фомич недоумевающе глядел на фельдшера, а тот, ухватив его за рукав, требовал угощения. Трактирщик искоса поглядел на них и куда-то исчез, приложив к носу палец.

- Обычай таков - понимаете? - убеждал фельдшер.

Старик готов был уже сдаться, но петух задергался у него в руках.

- Петенька! - сочувственно прошептал Захар Фомич, наклоняясь к петуху, как к больному ребенку, и, невзирая на общее неудовольствие, вышел на улицу.

1888